

Лунный Волк

*Босаяцкие
баллады*

Таёжный Волк
Босяцкие баллады

«Издательские решения»

2016

Таёжный Волк

Босяцкие баллады / Таёжный Волк — «Издательские решения»,
2016

ISBN 978-5-4483-5246-1

Книга собой представляет сборник 60 босяцких баллад, которые в основном написаны на блатном жаргоне. Все они касаются и воспевают романтику жизни воров, разбойников, арестантов, скитальцев, отшельников и хищников. Особое внимание уделено не только смыслу произведений, а также подбору слов и красоте изложения, точности рифм и соразмерности строк. В конце данной книги истолкованы наиболее непонятные, устаревшие и редкие слова, которые употреблены в стихотворениях.

ISBN 978-5-4483-5246-1

© Таёжный Волк, 2016
© Издательские решения, 2016

Содержание

Бродяга северный	6
Таёжный скиталец	8
В кимани арестант	10
В далине морской	12
Дикий вандер	14
Всадник пустыни	16
Одинокий путник	18
Звериной тропой	20
В далёком краю	22
Под волчий вой	24
По тропе волчьей	26
Мёртвый сезон	28
Раненый волк	30
В краю тайговом	32
Волчья расправа	34
Старый волчара	36
В цепи стальной	38
Фартовый зека	40
Уркаган седой	42
Таёжный волк	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Босяцкие баллады

Таёжный Волк

© Таёжный Волк, 2017

ISBN 978-5-4483-5246-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бродяга северный

Вспыхнула спичка в теми глухой,
разом хату задымил старый зека...
Раскинул костыли на земли сухой,
повагом он слепил усталые века...
Царит немота в кандею мрачном,
кочумает и грай воронов стайки...
Кимарит жиган в чаду табачном:
в кичеван воротили его из тайги...

В тайге сквозят ветры северные,
а зека вандает по лесной стежке:
ласты не связали псы лагерные,
вохра не в цвет попала в слежке.

С сябером он из лагеря сшипнул,
но потом в погоне один остался:
в станицу газанов керя влипнул,
с животом он навеки расстался...

Сонце вдали каймится багрецом,
за горизонт модом себя удаляет;
одни тучи нависли над беглецом,
молния по калгану зека ударяет.

С облаков мороха стала крапать,
как арестант выканал из урмана;
на прогале перестал он драпать,
раз менты потеряли след уркана.

Не встретил он никакого сельца,
решил к дороге железной пойти;
скоро докатил до малого озерца,
но не спешит путь домой найти.

Устало шагает по риве жиганец,
ныряет в горные дали зеницами;
долго зекает на журавлей танец:
в синеве парят они вереницами...

Над озерцом тихо падает темень,
светилами ночи осе небо кишит;
вента на холодных водах немень,
и воздухом свежим тайга дышит.

Бродяга сицает на ветхом корне,

а подле него лодка серая торчит;
ворона одинокая стоит на корме,
о тайнах озерца сего она молчит...

Ария в ночи наливается пеленой,
и стынет воряга под сенью сосны,
но задремал под мутной селеной,
во тьме кромешной ловит он сны.

Во снах каторжан садится в дору,
а грести решил к берегам южным;
весе по волнам он катится в гору,
домой спешит с ветром вьюжным...

Таёжный Волк, 09.2014

Таёжный скиталец

Мгла вздымается над урманом,
селена скрывается за туманом;
но потом рассветает в небесах,
темь ночи разгоняется в лесах...
Из за горизонта соле восходит,
кругом снопами свет разводит;
заря сумерки там распахивает,
утром вешним там попахивает...

Жиганец химает на берегу реки,
скоро подымает он мигом веки:
скиталец просыпается от лучей,
и шивой догола умывает ручей...
Ходит по земле влажной босой,
трава дышит рассветной росой;
принимает он и воздух свежий,
кругом играет ветерок нежный...
По тенистым оврагам он ходит,
по лесистым тропам он бродит;
канают потом за своим ворсом,
гонится он за добычею корсом...

Вечер в тайге вмале наступает,
день от мрака легко отступает:
валит сонце со своими лучами,
царит темень с серыми тучами...
Слегка дует холодный ветерок,
бродяга сей зажигает костерок:
пламя вот полыхает на дровах,
и скиталец отдыхает на травах...
Восе лежит под старую сосной,
молча кимарит в глуши лесной:
долго по тайге суровой шастал,
в конце до самой кочевы устал...

Там он листьями покрывается,
от света мыслями забывается;
с охотой он природу созерцает,
а стелы в небосклоне мерцают...
Вскоре гласам зверей внимает,
потом глаза наверх поднимает:
взирает на журавлей в тишине:
кружат они артелью в вышине...
Таче за одною звездой следит:
движется слегка и ярче светит;

узнать тайну светила он рачил,
но подале того вовсе не бачил...

Почил он под мерклой селеной:
пришла ночь с редкой пеленой;
на замине под небом он заснул,
а скрады огонь повагом гаснул...
В дебри густой проводит дремя,
во тьме глухой проходит время;
кимает земля в полной немоте,
луна исчезла в ночной темноте...
Взлетает во снах плавно вверх,
летает в небесах, словно стерх:
вихрем он мчится к той звезде,
но встречает его морока везде...

Над лесами вот рассвет настал,
от гвалтов уркаган седой встал:
ото сна восе рывком оторвался,
с неба наземь сице он сорвался...
Ко свату винта суки приставили
и в кандалы его руки поставили:
с собаками вот и сцапали егеря:
недавно драпу дал он из лагеря...

Таёжный Волк, 04.2014

В кимани арестант

Банк он залепил шагом дерзким,
кольцом старым здание трахнул;
от мусоров свалил бегом резким,
затем с хаврами на море махнул...
Из перрона вскочил он в майдан,
на стыках скоро ударили колеса;
за собой оставил город и байдан,
помчал вагон через горные леса...

Над морем синим нахта настаёт;
на берегу скиталец один лежит,
сигарету из кармана он достаёт:
на воздух дым табачный бежит...

Кочумает он в стороне тенистой,
тело вора сверху пахты наскуют;
шумит там море водой пенистой,
ноги вора слегка волны ласкают...

На волны он со вкусом взирает:
сияют они под лунным глянцем;
зефир вдоль по берегам играет;
порхают чайки над его жбанцем...

Кругом доминает густая темнота,
только луна сверкает с блеском;
кругом окутывает глухая немота,
только волны гуляют с плеском...

За селеной волчара один бегаёт,
вздымая на ходу пыль песочную;
жиганец молодой за ним зекает,
ныряя взором в даль восточную...

Сдалека пристань огнями светит,
и стоят в спокойной гавани суда;
босяк за кораблем одним следит:
силуэт его канаёт неведомо куда...

За собой дым пароход выпускает,
в открытое море с порту выходит;
века свои вор медленно опускает,
от стороны судна взором отходит...

За туманом пароход скрывается

да spolu растворяется в темноте;
вор от мира земного отрывается,
под небом забывается в дремоте...

Бродяга ото сна волчьего встаёт,
восходит из за горизонта солнце;
не на берегу морском его застаёт:
лежит урка на камерном шконце...
Мент клацает стальные затворки,
на продоле кипиш он поднимает;
глядит зека в трюмные задворки,
с тоскою сон ночной вспоминает...

Таёжный Волк, 05.2014

В далине морской

Наступают волны на берегов грани,
лаская пирата ноги пенною водой:
кочумает жиганец в ранах и драни,
лежа в одиночке с тёмною брадой...

Над морем вот солнце всплывает,
но кроют облака в маре рассвета;
усталые веки он скоро открывает,
смотрит на орла в сини просвета.

Затем сияет море в очах шальных:
пиратский галеон найти там рачит,
но царит покой на шивах дальних:
ноли туман останки его там начит...

Был он из грозной пиратов банды,
с кем выкатил на морскую кацию:
пошли на райзен в богатые ланды
и делали на торговые суда рацию.

Но заметили их военные фрегаты,
и с ними на пути начали сражение:
с отвагой урыли многих бриганты,
но потерпели во конце поражение.

Их галеон от залпа там взорвался,
и жиганцы в море сгнули грудом;
от врага он один живым сорвался
и ночью доплыл до рени с трудом.

Странник попал в острова пустые,
почил на риваже глубокой лахты;
за плечами его стоят леса густые,
а вдалеке видимы высокие пахты...

К себе манят его морские далины,
но останется там один свене дома:
нету корабля и пиратской малины,
толке наган имеет и немного рома.

От края дикого опаче не поканаает,
а впреди скитания жидают разана:
в дебри глухие он помале вканаает,
где слышен рык одинокого газана...

Плачет давно по скитальцу плаха,
там в нагарах его ожидает казень,
но покоцает он дале сенца страха
и толке с честью свалится назень...

Таёжный Волк, 01.2017

Дикий вандер

Ноги в стремя поставил
да погнал горса по замине;
луга за спалами я оставил
да ехал по теневой гамине.

Стрелой скакал на комоне
и помчал по склонам горы;
висели шпайки на ромоне,
что носил я с давней поры...

Жил в дикани много роков
и в штацах слыву газаном;
там всегда грачил я лохов,
раз иду по жизни разаном.

Легаша за мною на ворсе,
заплести хотят мои деста,
но проче уканою на горсе,
ловко запутал свои песта.

Смылся от погони давече
и в глухие терены свалил;
покатил от псов я далече,
но пулю на плечо словил.

С ранами дале кандыбаю,
но шмену вора нет конца;
место для кима надыбаю:
спать мне пора слегонца.

Заметна лачуга в далине:
восе направил туда гасту;
тишина царила в малине,
и я остановился на расту.

Но в домике том не спал,
раз суки там могут найти;
таче идти пешком я стал
и решил в заросли войти.

Тропою докатил до грота
и в начке золото затарил;
раны помыл водой срота
и кофе на костре заварил.

Симанил я иволги шанте
и зекал на зарево захода;
помале входил я в данте:
устал в натуре от похода.

Но покой отняли шорохи:
примчали кони с ветром;
в обоймы налил я горохи
и ждал тварей за петром.

Драпу не задам от швали
и грабли вверх не вскину:
к бою готовы мои шпали,
с последней пулей сгину!

Таёжный Волк, 09.2016

Всадник пустыни

За горизонт вот и солнце сходит,
полыхает небо вдали в зареве;
дым от земли горячей всходит,
колыхаются там дали в мареве...

Восе копыта цокают на земине,
нарушая в краю диком тишину:
всадник один виден на шемине,
взбирается по скале в вышину.

Едет он рысцой на коне гнедом,
стегая шпорой сапога да вицей;
несутся за ним легавые следом,
и провожают равены станицей.

Скоро вышел из рощи тенистой,
прокатив по тропкам скальным;
мчит он по пустыне каменистой,
идя навстречу ветрам шальным...

Сице вернулся в родные ланды,
а по штацам он долго скитался;
нет никого рядом из его банды,
в такой глуши он один остался.

Так снова разбойник на корсах
и стоит сгола за чертой закона;
снова гонятся за ним на горсах:
грабил он два грузовых вагона.

Не повязали на деле его ласты,
и с таланом выкатил на страду;
таче дыбал он место для расты
и хотел ночью развести скраду.

Но нигде невидно грота и неста,
на пути не отыскал он и манже;
загнали ваганта в глухие места,
устал он шибко в долгой ранже...

И скоро вечером вора догнали
да велоче пересекли его драгу:
наконец в угол мусора загнали
и наганы приставили ко врагу.

Но жиганец молодой не сдался,
вальве с кобуры вынул ковбой:
выстрел из него вот и раздался,
затем с куражем ринулся в бой...

Сумерки над пустыней настают,
покой там рушат ночные вента;
кругом койоты сворой шастают:
под мескидом лежат три мента...

Зрится всадник один в застени,
с мраком силуэт его сливается;
скачет он вдоль каньона стены,
но кровь из ран его срывается...

Таёжный Волк, 05.2016

Одинокий путник

Путник одинокий катит стоком,
нагайкой коня взмахом хлещет;
копыта на травки летят скоком,
вода ручейная с охотой плещет...

В корсах он от ментов рогатых:
с кентом в нагаре залепил хату:
сняли денаро у сватов богатых,
шеметом в конце закатали вату.

Хвостом не промели жиганцы:
сумели одного из них ушатать;
второго не заластали поганцы:
успел рысцой за город умотать...

Теперь на комоне едет по логу;
в натуре канают его лихие дни;
хочет найти к селениям дорогу,
но окружают места дикие одни...

Конь краденый мчит побежкой
и скоро хиляет в гору лесистую:
луга меняются горной стежкой;
вор ныряет в сторону тенистую...

Пузыря пустил в тропах тесных
и скоро к концу шемина дошёл:
босяк оказался в кустах лесных,
в густые заросли модом вошёл.

Он докатил до весеннего ручья
и прыгнул на зелень с жеребца,
для костра потом собрал сучья
и дым поднял на корне деревца...

Осе кимает ганев под небесами,
на вышину кнайсает он устало,
а темень опустил над лесами,
в краю глухом пасмурно стало.

Тучи серые висят над курганом,
парит в небе стая старых ворон;
вихри вздымаются над урканом,
шелестит листва со всех сторон...

Искры с огня взлетели снопами,
затем костерок от ветра гаснул;
на рассвете вор двинет стопами:
вот и под шатром кедра заснул...

Перед сном видит ясные грёзы,
ему зрится лик убитого керина,
но вскоре конь удрал за берёзы,
урка остался и без того мерина.

Силуэт гнедого озарился луной;
на него скиталец направил очи,
но в темнице испарился груной:
словить его скиталец не в мочи...

Таёжный Волк, 09.2014

Звериной тропой

За спиной с котомкой,
во скрице с махоркой,
шеркая дорогу на северном драю,
шагает бродяга по суровому краю...
Во стеганке от воряги
и с палицей из коряги,
шаркая по снегу стопкою хромой,
шагает бродяга звериною тропой...

Скиталец из ниоткуда прикатил,
таче моментом в никуда укатил;
силуэт свой испарился в тумане,
дикою стегой скрылся в гумане;
над варнаком сонца не светила,
всего одна птица его встретила...

Вентал он подальше от лагерей,
снова драпал от собак и егерей;
гантер за торсом успел смолить,
а вандер корсом сумел свалить;
не схапал телом винта маслину,
не попал он в капкан и трясину...

Без цели таче ландал тропками,
луна седая вышла над сопками;
приложил ко своей ране листок,
да напоил вешнею водой исток;
задремал он под старой сосной,
и полыхал огонь в тиши лесной...

Возле смаги повитаает в кимани,
от дремли встанет он в димани;
затем добычу положит на крагу,
примет пищу и выхлит на драгу;
ранец полный за плечи закинет
и место ночлега своего покинет...

Из кичи гнилой давно смотался,
но в дичи лесной шпан остался;
шатался он по северным горам
и охотился по звериным норам;
по таёжным тропам он кочевал
и на снежном покрове ночевал...

Не искал тепла в домах уютных

и рыскал во строгах нелюдных;
дыбал один крозе бору и холод,
испытал на шкуре дору и голод;
не жажался ни от лютой погоды,
стал он газаном другой породы...

Не шевелит он ногами за порог,
а скитовцем стал зимних дорог;
нету за спалами двора и семьи,
сыном он стал северной земли;
дом его не знает окон и дверей,
ищет он кентов у диких зверей...

Не доживёт он до старости лет,
здоровья и такой крепости нет;
сгинет он в неведомых берегах,
откинет коней в родных снегах;
после смерти падали не найдут,
за бригаantom издали не придут...

За спиной с котомкой,
во скрище с махоркой,
шеркая дорогу на северном драю,
шагает бродяга по суровому краю...
Во стеганке от воряги
и с палицей из коряги,
шаркая по снегу стопкою хромой,
шагает бродяга звериною тропой...

Таёжный Волк, 04.2014

В далёком краю

Там в далёком и диком краю,
где не слышна гамора штада,
и незримы совсем его стены,
витают в стороне беглый вор...

Там в далёком и диком краю,
где нету следов людей стада,
и не мешают шуцманов тени,
скитается один с давних пор...

В небе сером проплывают тучи,
а под ними стая орланов голчит;
кроны елей не пробивают лучи,
и за тропами там орман молчит...

Сицает веган на сосновой коре,
при старой мельнице он пыхает:
кимает слегка в вечерной море
и свежий воздух лесов вдыхает.

Там давече шёл резкий ливень,
и пахнут влагой леса дремучие;
недалече от него бежит ривень,
и взирает он на воды гремучие...

Нисходит солнце в завесе дыма,
и над лесом опускается морока;
сидит вандер без крова и рыма,
над главой кружит одна сорока.

С посохом на руке долго кумает,
желает он найти на время рахту:
после долгого пути сице думает,
где стоит вмале провести нахту...

Он давно мыкается в диком раю,
от легашей натура доселе начит;
он гарно кенает в забытом краю,
в рамель пойти совсем не рачит.

Босяк находится в вечных бегах,
но полон внутри себя он праной;
иногда охотится в лесных вегах,
сице кормит сам себя он храной...

Неведомо, что за тропой жидает,

где ныкает пеленой далину мара;
на край гимели он взоры кидает,
и снова скитальцу в дорогу пора...

Там в далёком и диком краю,
где нету вовсе окон и дверей,
и дорнами полон любой путь,
витают в стороне беглый вор...
Там в далёком и диком краю,
где живут стаи лютых зверей,
и на тропах стоит толке муть,
скитается один с давних пор...

Таёжный Волк, 12.2016

Под волчий вой

Гаснут там звёзды в небесах,
и вдалеке тучи висят ворохом;
веет вологой в горных лесах,
и земля вся дышит морохом...

Там за тропами темень царит,
где заросли неба синь кроют;
кочевой один в зелень зарыт,
а недалече дикие волки воют...

Спи, бродяга, спокойной ночи!
Волки охраняют твой покой,
не мешают гамли да конвой...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
Кочумай в этом краю лесном,
но не почивай мёртвым сном...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
На горах вот альба настанет,
солнце в пути тебя застанет...
Спи, бродяга, спокойной ночи!

Свинтил он из чалки давече,
где за гниву годами парился;
по шпалам умчал он далече,
затем в леса густые зарылся.

Вохра не смогла зека обнять:
он разом испарился в тумане;
сице на воле шатается опять,
среди зверей в диком урмане.

Повитает он пока в природе,
там за грядами оставив люду,
неске зане родичей в городе,
что ментами кишит повсюду...

Спи, бродяга, спокойной ночи!
Волки охраняют твой покой,
не мешают гамли да конвой...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
Кочумай в этом краю лесном,
но не почивай мёртвым сном...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
На горах вот альба настанет,
солнце в пути тебя застанет...

Спи, бродяга, спокойной ночи!

Под сумерки он опустил веки
в зарослях на обрыве холма,
а сойти хотел на долину реки,
где замечал на отшибе дома.

Но боле ему не хватало мочи,
и шнипарь не скатился долу:
толком не дохал он две ночи:
до завтра покой нужен вору.

Скоро тьма уступит рассвету,
и затем ожидает долгий путь:
снова пошастает он по свету,
но впереди него только муть...

Спи, бродяга, спокойной ночи!
Волки охраняют твой покой,
не мешают гамли да конвой...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
Кочумай в этом краю лесном,
но не почивай мёртвым сном...
Спи, бродяга, спокойной ночи!
На горах вот альба настанет,
солнце в пути тебя застанет...
Спи, бродяга, спокойной ночи!

Сонца на горизонте восходит,
темину гонит снопами лучей,
но беглеца нигде не находит,
кто кимал в засеке дремучей...

Слышен грай ворона с небес
вместо воя волчьей станицы;
следов нет под сенью древес,
кроме шапки зека и палицы...

Таёжный Волк, 09.2015

По тропе волчьей

Бреду нахтой по горе пустой,
предо мной стоит лес густой;
с трудом иду через метелицу,
ветер грозный лупит по лицу.
Старой шерстью я в клочках,
а страха нету в моих зрачках,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

На зорьке от погони рванул,
псов и егерей лаче лоханул;
там за рекой ранчо оставил,
но вместо овец пули словил.
С ранами на теле осе брожу,
но внутри я вовсе не дрожу,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

Бросил я давно волчью стаю,
на отрыве от толпы шастаю;
дышу я вне семьи да мезона,
под небом на четыре сезона.
Не здоров и вовсе не молод,
но не жахают мороз и голод,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

По острию ножа всегда качу,
крест мой терновый я влачу;
снова сойду на дерзкое дело,
скотом раз манит меня село.
Может и назад я не вернусь,
но с пути своей не свернусь,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

Ганки на цырлах там хиляют,
под людьми хвостом виляют,
а волчаре служба не в чести,
на охоту мне следует грести.
Свободу не продам за хавку,
не стану я похожим на гавку,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

На пути вынесу все напасти
и николи не упаду по масти;
сохраню волчьи мои законы,
гордым волком откину кони.
Меня и в клетках не согнуть:
за волю готов лапы загнуть,
раз по тропе волчьей хлыву,
сроду диким зверем я слыву...

Таёжный Волк, 08.2015

Мёртвый сезон

Мне холодно, я голоден!
Покуда не настала в тайге весна,
натура не встала от зимнего сна...
За синим туманом сонца скрыта,
а сизым саваном земля покрыта...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Под снегами остаются все норы,
голым васером пахнут все горы...
Нечего ловить в дремучем лесу,
зверя жизнь от волоска на весу...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Со гладом вне цели один брожу,
от хладов тельцем своим дрожу...
Зусман до костей вот достигает,
и в жилах моих кровь остывает...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Больше не в силу жидать марта,
шансев нет в лесу видать фарта...
Нет сил вынести мёртвый сезон,
из урмана выйти на охоту резон...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Сопки оставлю скоро за спиной,
лапки потопают за край зимной...
По селам вскоре пойду рыскать,
во хлеве снова добычу сыскать...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Смело я хлыву с оскалом диким,
снова я слыву волком одиноким...
Надо мне скорой геморы снести
и сквозь вореи напролом брести...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Канаю на юга тропой тернистой,
шагаю на юга строной тенистой...

Нема передо мною живой души,
от голяка вою в тайговой глуши...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Наверно копыта я загну на пути,
мышцы мои не в ажуре по сути...
Вечным сном я засну от немочи,
и нимало не нужно мне помочи...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Видно я лягу на снега замертво,
и сомкнутся мои века намертво...
Видно я мордой в снега вруюсь,
там со следами навека скроюсь...
Мне холодно, я голоден!

Мне холодно, я голоден!
Может и остановят меня черти,
ударом доставят меня к смерти...
Может и люди на зверя спалят,
с пулею на груди наземь свалят...
Мне холодно, я голоден!

Таёжный Волк, 04.2014

Раненый волк

Луна седая вдали блескала,
и ворон один сверху каркал;
река волной тихо плескала,
и волк один кровью харкал...

Выстрелы грохнули от дула,
слегка ели дрогнули от гула;
разом псы подняли тревогу,
шеблом наехали на берлогу.

Смести хотели дикого волка,
но не вышло никакого толка:
со своей волей не расстался,
но с колючей болью остался.

Зверь оторвался от наглеца,
хоть егерь поранил беглеца;
волчина ловко отдал концы:
не сплели его борзые гонцы.

Крозе гадов задал он драпу,
не попал на шемине в трапу;
таче укатил от погони врага
и покоцал по скатам оврага.

Не забыл он следы вымести,
сумел глад и стынь вынести,
но изнутри его рана скидает
и подранка на земь скидает.

Шерстью разодран в клочья:
на исходе витара его волчья;
пуля суки прокатила по телу:
рухнет гордый зверь по делу.

Рачил варген сойти на берега,
но мордою вонзился в снега:
не может он дойти до ручья:
до грани довела охота сучья.

Понта не видит переть дале,
нифига не светит ему одале:
осе в гимани мутной стынет,
ноли копыта до зари скинет...

Злая метель в ночи рыскала,
а серый долго выл на скале;
кровь из раны его прыскала,
а под утро застыла в оскале...

Таёжный Волк, 04.2014

В краю тайговом

Шварцом осе кружат равены,
кружат над волчьей стервой:
серый там истерзан в рамени,
а подле гиены снуют хеврой...

Тайга там витала под снегом,
дул из поля ветер холодный;
на охоту спешил газан бегом,
хромой и до черта голодный.

За стадом лосей валил махом,
как тайком вышел из опушки,
но остался с голым стомахом,
раз грянул выстрел из пушки.

За скору его гантер шиванул,
но маслина пошла не в жилу,
и зверь тропкой иной рванул,
кого гнида замести не в силу.

Следом за ним хортов погнал,
и в засаду они сели под елью,
а серый себя недалеко загнал
и скоро принял псов артелью.

На снегах они затеяли драку,
и волчине шибко дали перца,
но потом он ринулся в атаку
и станице гадов задал перца.

Был волчара в крови до жути,
но в бою хвостом не дрыгнул;
двух собак он задрал по сути,
а вот третий в туман срыгнул...

Так он в краю диком остался,
не умотав от поганых гостей;
на волю того егеря не сдался
и сам порвал ганов до костей.

Не предал он волков правила
и с честью ратовал на морте;
дора своя до памарок давила,
но стоял он в высоком сорте...

Тайгу завесой туман закутал,
и волчина в дебри воротился;
на пути своём следы запутал,
дабы с егерем не встретился.

В пещах лындал он с отвагой,
не ожидая в лесу новой жуды,
но там гиены стояли ватагой,
раз нюхали запах своей руды...

Шварцом осе кружат равены,
кружат над волчьей стервой:
серый там истерзан в рамени,
а подле гиены снуют хеврой...

Таёжный Волк, 08.2015

Волчья расправа

В краю лесов повагом меркает,
и завесой нахты кроются горы;
волк один добычу там шеркает,
застигает луна его среди моры.

В густые дебри махом вандает,
вступает в земли свои корсом;
снова по тропе глухой ландает,
оставив села вдали за дорсом...

Дрыснул он из гасенды егерей,
где витал со стайном взаперти;
долго держали там они зверей,
и токма вожак избегал смерти.

Без горя прокатил крозе трапы,
что на гайлов ставили гантера;
не ссыкали его мусоров крабы,
и внове стоит на пути вандера...

Сице вернулся в родные места,
но собратья свои кони задрали;
напал варген на падалей реста:
скоры его друзей суки содрали.

Нынче другие в лесах времена:
шакалы всех порвали в клочья;
кишат повсюду сучьи племена,
и прахом пошла братва волчья...

Заметил он лишь одного кента,
и дальше они ратовали вместе;
сломили у поганых псов дента,
коли ночью их застали в несте.

Но скоро порвали корню пасть,
и волчара одному стал брести;
не оставил сию войну за масть,
с урманов сучню хотел смести...

Раз на ганту во тьме кандыбал,
брата встретил в засени кедра:
вот наконец он порча надыбал,
не даст ему смотаться в недра.

Егерей на волков он же навёл,
коли шканали на стаю рогами;
от махача потом хвоста завёл,
своих оставил в бою с догами...

Сиче уронил гнида свою честь,
да с шакалами имеет он связи,
но устроит волчина гаду месть,
зане предал законы да в грязи.

Восе рывком на брата прыгнул,
стал драться с родным волком;
в крови сука шванцем дрыгнул
да в ущелье сорвался с голком...

Хотел он затем сойти на ручей,
что течёт в долине за скалами,
но тени заметил в снопе лучей:
шайка псов стояла за спалами.

Встали шакалы на волка драгу,
со злобой за ним секли хором,
ама спину не показал он врагу,
жидал атаки с гордым взором...

Вихрем на него наехали своры,
и настала там страшная драка;
рвал клыками вожак им скоры
и кровь пустил в завесе мрака.

Но на поле брани откинул ноги,
растерзали его и дали крантец;
стерво долу таче скинули доги,
где замертво лежал его братец...

Таёжный Волк, 09.2016

Старый волчара

По жизни волком слыву сроду,
ныне в угол загнанный зверь;
не испоганил я волчью породу,
но заперта предо мною дверь.

В лабет меня поставили черти,
из рамени я хортами зарачен;
два года сице витаю взаперти,
в узкой хате наглухо заначен...

Сице вечно суки волка травят
и на гамине расставляют сети,
но мною николиже не правят,
нравы свои сохранию и в клети.

И в неволе я душою свободен,
надо мной нету совсем власти;
стаду людей ничем я не годен,
и хвостом махать не по масти.

С людьми не стану я дружить:
ласки не нужно дикому волку;
за жратву не стану я служить:
в целях егерей не вижу толку!

Пускай гады мне порвут пасть,
но псицей по жизни не стану,
да если ко мне прикатит масть,
из тюряги я на лыжи встану!

Надо мне пойти в край родной,
в натуре там дичью питаться;
хочется синего неба надо мной,
по лесам таёжным скитаться...

Там на воле влезал на рожон,
никогда не нажал на тормоза;
и везде я держал свой фасон,
не пугали меня ветра и гроза.

Не принимал королей и богов,
никто на лассо меня не водил;
был один пред стаями врагов
и среди зверей в оноре ходил.

Повидал много облав из засад,
в шрамах я от всяких замесов,
но никогда не откатил я назад
и на вечный покой гнал бесов...

Проканал все напруги на пути
и давно я старым волком стал;
ничем и не изменился по сути,
но от живота в кичмане устал.

Не выгоняют суки на свободу,
отсюда нет и шансов удирать:
лучше на вилы посадят сходу,
чем в вольере модом умирать...

Таёжный Волк, 08.2015

В цепи стальной

Под рыльце не кидайте хавку,
не гладите вы руками шерсть;
на хищника не делайте давку,
али увидите вы суками мечь!

В хату рога падлами не суйте;
хватит волчаре смех показать;
лапы мои кандалами не куйте:
прикатит время всех наказать!

Не держите на стальной цепи,
не закройте вы на чан дверцу;
пустите меня к вольной степи,
али скоро я всем задам перцу!

Волкам нужно выйти на волю:
дайте по ветру мне кататься;
волкам нужно грести по полю:
дайте за охоту мне шататься!

Передо мною отворите дверь,
не то ко мне пришлите орехи:
взаперти сгинет дикий зверь,
но за собою не оставит грехи!

Хоть и нанесите вы мне розги,
я не оставлю поганку и лещь;
хоть выверните вы мне мозги,
я не потеряю свободу и честь!

Хоть и до гибели дайте треста,
ни сладу нема с диким волком;
хоть потащите меня до креста,
волю мою не рушите ни боком!

Понта не имеет дать мне ласку,
зане пасти не канают смычком;
понта не имеет дать мне таску:
не в масти мне канать ничком!

Не держать меня вам сластью,
волка ни ладом не приручите;
не держать меня под властью,
из волка шныря не получите!

Не сродните вы меня с лайкой:
пред вами не согну я коленце;
не помирите вы меня с пайкой:
из хаты лапы двину я в конце!

Сходу при шанце куплю плеть,
от лохменов на лыжи я встану,
сходу с концами покину клеть,
вольным ветром паки я стану!

Назад меня падлы не обратят,
если покачу к лесам да лугам,
но сначала поделом заплатят,
каждый получит по заслугам!

Таёжный Волк, 04.2014

Фартовый зека

За заплотом лагерным я сижу,
годами солнце в клетке вижу;
давно стала седою моя теста,
а выхода неске от сего места...
Но мною выбран святой путь,
и ничего не сможет его гнуть...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

Много сроков отмотано мной,
зона стала мне хатой родной;
миром забыт в тайговой дичи,
зане стал вечным зеком кичи...
Но со свободою не расстался,
а душой я вольницей остался...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

На воле вечно грачил бобров,
стирал их гаманцы от лавров,
но попадал я на ментов лапы,
да в кандалах гнали на этапы...
Но страхов не знаю от загона,
зане прочно стою вне закона...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

Роками держат под конвоем,
псы ливерят за моим покоем;
сроками за решкою наскуют,
в буры да в карцера таскают...
Но завязки нема с прошлым,
и не поканаю гадом пошлым...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

Мусора мне давали по рогам,
чтобы лицом пал к их ногам;
да играют со мною в жмурка,
раз по масти я честный урка...
Но совсем не запорол косяка,
да не раскололи суки босяка...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

Стою теперь на грани смерти
да наверно сгину я взаперти;
зароют меня в глухой засеке,
таче никто не сведает о зеке...
Но укачу я бродягой и вором,
а не сукой паршивой и сором...
Пускай на зоне трупом стану,
но на колени, бля, не встану!

Таёжный Волк, 07.2015

Уркаган седой

Под секой заклацали затворки,
и снова темина залегла на киче...
Шмира его повела на задворки,
а шпанец якоря поднял давиче...

Бирку менты надели на пахана,
кто оконался весовым урканом;
в амбаре калевой настала хана,
но старца сего давили арканом...

Витал он по шпанским законам
и не пустил на макитру мусоров;
шастал он по крыткам да зонам,
а дышал среди блатных и воров.

Сице рикшу тянул по кичманам,
всю дорогу сманы там куковал,
раз на воле гулял по ширманам,
у штемпов сраных там урковал.

Сице жил он кайсом воровским —
смело стригал капусту кражей;
не топал за нахесом лоховским —
вечно двигал по лезвию ножей.

Не завязал со святым ремеслом
и в социуме не хрячил блатняк:
за финашки не покатыл на слом,
зане в таску лавора и западляк.

Не имел урка пенатов и родича,
бичевал по монду свене гралей;
не имел перед собой ни водича
и не признал мелиху да кралей.

На плинтах в отрицалово катил —
ганев там на легавых не пахал:
в парилках вот и марцы хватил —
в застенках сырых вечно захал.

В натуре там оборзели ментяги:
барину творили нагло душняк;
брахали его под лопаря и стяги,
обаче не замарали на глушняк.

Суки по рогам ему давали хором
и мастрячили кумовские мутки,
но всегда вентал в законе вором,
не расшибли и трюмные сутки.

Сиде николи не запорол косяка,
за раменами пятна не оставил;
в доску потаранил кроче босяка
да коцы в угол гордо поставил...

Заховали мусора в краю зечном,
где клеил уркаган седой ласты...
Ныне почиет он в покое вечном,
как легенда из воровской касты...

Таёжный Волк, 09.2015

Таёжный волк

На стыках восе колеса стучат:
на севера этапом ронга рысит;
зека с волей роками разлучат,
на ушах кого пятилетка висит...

Торцают там ветра на верстах,
где встречают вагонов засеки;
там всюду номера на керстах,
где почиют вечным сном зеки...

Сице в тайгу загнали поганцы:
воряга сделал по новой ходку;
сице скоро опустит он кранцы,
затем начнёт в кишлаке мотку...

Суки снова посадили на кукан,
скокаря раскоцали во грандах;
снова на лачио покатыл уркан,
долго поторчит он на брандах.

Внове жармо надел кичманец,
кто мало шпацырал по городу;
на каторгах постарел жиганец,
кто вшей кормил там смолоду...

По музе топал он всем кайсом,
всю дорогу витал на шармака;
вор доселе не шнырил вайсом
и пашней не получал сармака...

Нелище гады сажали на пайку,
гоняли вора на этапные драги:
в кандалах вентал крозе тайгу
и вступал на тюремные праги.

Ганева менты давили торбами,
но с куражем роцкал до конца:
им падлы не правили зорбами,
и кастеты не сломали шпанца.

Не упал на варнацком шемине:
осе накопил регалки да шрама;
седни висоце стоит на земине,
нехай пред очами снова брама...

Ворота галеры закоцала вахта:
волю сице оставил за гаванью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.